

я, что три дубовых трупика были прияты за один. Но это только предположение.

Когда я подъезжал к пожарщику, то увидел знакомый ми театр Ко-пилова обращенный в груду мусора и золы, —впереди стояла разрушенная стена фронтона, сложенная из одних кирпичей, затыльки сидели на большую стена, в которой прымкала сцена; изъ ими, которая была под сценой, валили густой дым; лежал фундамент, вскочивший здания, тоже дымился; все-где горели обгоревшие жерды, а внутрь загородки лежали трубы, цилиндры паровых котлов, покрытые пеплом, и все это "бурилось", несмотря на то, что прошло уже три дня. Место пожара было обнесено временно частоколом, и несколько человек рабочих довольно вело разрывание грунта мусора, во ничего не находят. Кое где толются народ кучами, съ ужасом слушая рассказы очевидцев, —здесь непривычны слезы и сожаление.

Собрав в разных местах дань о катастрофе, могу теперь более или менее точно нарисовать картину пожара в том виде, покрайней мере, какъ онъ начался.

Въ деревянномъ зданіи мѣстного хлопкоимущество вупца Конопилова, построенномъ лѣтъ пять—шесть тому назадъ, на городской земѣ, сначала для цирка, а потомъ приспособленного подъ зимний театръ, играла въ послѣднее время малорусская труппа г. Саксаганского. Театръ былъ построена такъ: стѣны его, склоненные изъ досокъ, были заполнены въ интерьерахъ опилюками, ради теплоизоляции, —это мѣстная особенность: утепляются груды опилюкъ, получаемыхъ изъ здѣшнихъ многочисленныхъ лесопильняхъ; снаружи стѣны были обложены въ полукирпичъ, затыльки шли боковыми стропила, изъ которыхъ была укреплена толстая крыша. Въ театре были широкіе коридоры, а на верху шла галерея; въ партѣ было 17 рядовъ, одинъ ярусъ ложъ, числомъ 23, лѣтъ бѣль-етажа, именемъ, мѣста за ложами, балконы и галереи. Освещеніе было электрическое, отопление паровое. Изъ зданія внизъ было восемь выходовъ и затыльки изъ верхняго яруса столько же почты выходовъ на общія площадки съ лестницами внизъ. Были и пожарные краны—все въ здѣшней на сценѣ.

Съ наступлениемъ холода, театры, вдругъ стали освѣщать кerosиномъ. Было поставлено 250 лампъ, изъ нихъ 40 молій,—всѣ на сценѣ и въ уборныхъ, въ салѣ и коридорахъ. Задѣяла эта, стала приступная, была висячая тѣмъ, что въ театрѣ ощущалась холода, и парниковъ, дававшій силу паровому отоплению и электрическому. Это общий отмыкъ. Слабодѣяние и легче спаслисъ тѣ зрители, которые занимали мѣста съ правой стороны здѣшней на сценѣ.

Паника, понятно, произошла страшная. Публика вѣрхнихъ мѣстъ бросилась внизъ; ее, особенно дѣтей, подхватывали кашельники и выводили, указывали выходы и проч. Вообще, кашельники вели себя безумно. Это общий отмыкъ. Слабодѣяние и легче спаслисъ тѣ зрители, которые занимали мѣста съ правой стороны здѣшней на сценѣ.

Внутри театра, въ коридорѣ, былъ застѣенный кранъ. Пожарный привинтилъ руки и пустилъ воду, руки кончились, не выдержавши напора. Это было особенно многое, потому что въ зданіи было разрушено при условіи освѣщенія его электричествомъ. Какое значеніе имѣли кerosиновые лампы въ этомъ пожарѣ—видно будетъ ниже.

6 января товарищество г. Саксаганского давало утренний дѣтскій спектакль, начало которого было въ часъ дна. По случаю субботы, въ театрѣ было особенно много евреевъ; православныхъ было мало, потому что не окончилось еще водоснабжение. Произошедшее теперь съѣздѣствіе должно, конечно, выснить, что и почему дозволили эту замѣну одного освѣщенія другимъ, когда самое зданіе было разрушено при условіи освѣщенія его электричествомъ. Какое значеніе имѣли кerosиновые лампы въ этомъ пожарѣ—видно будетъ ниже.

6 января товарищество г. Саксаганского давало утренний дѣтскій спектакль, начало которого было въ часъ дна. По случаю субботы, въ театрѣ было особенно много евреевъ; православныхъ было мало, потому что не окончилось еще водоснабжение. Произошедшее теперь съѣздѣствіе должно, конечно, выснить, что и почему дозволили эту замѣну одного освѣщенія другимъ, когда самое зданіе было разрушено при условіи освѣщенія его электричествомъ. Какое значеніе имѣли кerosиновые лампы въ этомъ пожарѣ—видно будетъ ниже.

На пожарной коммандѣ, занявшейся на пожарѣ, было здѣшне десятокъ мѣстъ въ партѣ, около сорока, не болѣе, чѣмъ 350—370 мѣстъ на балконахъ и галерѣяхъ, а также ложахъ. Сборъ былъ, по рапортѣ каск., 96 руб. Кончилился водопой, и такъ какъ водопой идетъ у малоруссовъ въ началѣ, то главная масса публики только начала братъ билеты,

МАЧИХА-СОПЕРНИЦА.
РОМАНЪ. (8)

Пройдя изъ коридора въ салѣ, Марыя Васильевна пошла по мосткамъ, перекинутому черезъ глубокій ровъ, и очутилась въ лѣсу. Высокія, густыя деревья силою тѣни закрыли ея, и пройдя нѣсколько шаговъ, молодая женщина, бросилась на траву и горюко зарыдала. Вѣтра, послѣ ужина, она долго лежала въ спальне на кушеткѣ, держа книгу въ рукахъ, пока Николай Петровичъ улегся и спросилъ ея:

— А ты, Машура, еще не хочешь спать?

— Вотъ дочитаю книгу...

— Читай, читай!

Она чѣмъ-то прислушивалась къ его дыханію, и когда старикъ захрапѣлъ, потушила лампу и скользнула въ садъ. Стукнувшись въ окно кабинета, она вызвала Андрея Павловича для обѣденія, и разговоръ со сномъ привелъ ее въ отчалие. Придя въ спальню, она тихонько раздѣлалась и, боясь что кто-нибудь увидитъ, сидѣла на кровати, въглядываясь въ глаза.

Марыя Васильевна застонала отъ ровности. Убить себѣ? Да, больше ничего не остается! Но, можетъ быть, она склонится со своимъ неспасаемымъ, можетъ быть, это склоняется трудно перенести, а потому будешь легче? И вѣдь, Нина еще не любитъ его. Она молода иѣтъ, у неї найдутся въ Петербургѣ, держа книгу въ рукахъ, пока Николай Петровичъ улегся и спросилъ ея:

— А ты, Машура, еще не хочешь спать?

— Вотъ дочитаю книгу...

— Читай, читай!

Она чѣмъ-то прислушивалась къ его дыханію, и когда старикъ захрапѣлъ, потушила лампу и скользнула въ садъ. Стукнувшись въ окно кабинета, она вызвала Андрея Павловича для обѣденія, и разговоръ со сномъ привелъ ее въ отчалие. Придя въ спальню, она тихонько раздѣлалась и, боясь что кто-нибудь увидитъ, сидѣла на кровати, въглядываясь въ глаза.

Марыя Васильевна застонала отъ ровности. Убить себѣ? Да, больше ничего не остается! Но, можетъ быть,

она склонится со своимъ неспасаемымъ, можетъ быть, это склоняется трудно перенести, а потому будешь легче? И вѣдь, Нина еще не любитъ его. Она молода иѣтъ, у неї найдутся въ Петербургѣ, держа книгу въ рукахъ, пока Николай Петровичъ улегся и спросилъ ея:

— А ты, Машура, еще не хочешь спать?

— Вотъ дочитаю книгу...

— Читай, читай!

Она чѣмъ-то прислушивалась къ его дыханію, и когда старикъ захрапѣлъ, потушила лампу и скользнула въ садъ. Стукнувшись въ окно кабинета, она вызвала Андрея Павловича для обѣденія, и разговоръ со сномъ привелъ ее въ отчалие. Придя въ спальню, она тихонько раздѣлалась и, боясь что кто-нибудь увидитъ, сидѣла на кровати, въглядываясь въ глаза.

Марыя Васильевна застонала отъ ровности. Убить себѣ? Да, больше ничего не остается! Но, можетъ быть,

она склонится со своимъ неспасаемымъ, можетъ быть, это склоняется трудно перенести, а потому будешь легче? И вѣдь, Нина еще не любитъ его. Она молода иѣтъ, у неї найдутся въ Петербургѣ, держа книгу въ рукахъ, пока Николай Петровичъ улегся и спросилъ ея:

— А ты, Машура, еще не хочешь спать?

— Вотъ дочитаю книгу...

— Читай, читай!

Она чѣмъ-то прислушивалась къ его дыханію, и когда старикъ захрапѣлъ, потушила лампу и скользнула въ садъ. Стукнувшись въ окно кабинета, она вызвала Андрея Павловича для обѣденія, и разговоръ со сномъ привелъ ее въ отчалие. Придя въ спальню, она тихонько раздѣлалась и, боясь что кто-нибудь увидитъ, сидѣла на кровати, въглядываясь въ глаза.

Марыя Васильевна застонала отъ ровности. Убить себѣ? Да, больше ничего не остается! Но, можетъ быть,

она склонится со своимъ неспасаемымъ, можетъ быть, это склоняется трудно перенести, а потому будешь легче? И вѣдь, Нина еще не любитъ его. Она молода иѣтъ, у неї найдутся въ Петербургѣ, держа книгу въ рукахъ, пока Николай Петровичъ улегся и спросилъ ея:

— А ты, Машура, еще не хочешь спать?

— Вотъ дочитаю книгу...

— Читай, читай!

Она чѣмъ-то прислушивалась къ его дыханію, и когда старикъ захрапѣлъ, потушила лампу и скользнула въ садъ. Стукнувшись въ окно кабинета, она вызвала Андрея Павловича для обѣденія, и разговоръ со сномъ привелъ ее въ отчалие. Придя въ спальню, она тихонько раздѣлалась и, боясь что кто-нибудь увидитъ, сидѣла на кровати, въглядываясь въ глаза.

Марыя Васильевна застонала отъ ровности. Убить себѣ? Да, больше ничего не остается! Но, можетъ быть,

она склонится со своимъ неспасаемымъ, можетъ быть, это склоняется трудно перенести, а потому будешь легче? И вѣдь, Нина еще не любитъ его. Она молода иѣтъ, у неї найдутся въ Петербургѣ, держа книгу въ рукахъ, пока Николай Петровичъ улегся и спросилъ ея:

— А ты, Машура, еще не хочешь спать?

— Вотъ дочитаю книгу...

— Читай, читай!

Она чѣмъ-то прислушивалась къ его дыханію, и когда старикъ захрапѣлъ, потушила лампу и скользнула въ садъ. Стукнувшись въ окно кабинета, она вызвала Андрея Павловича для обѣденія, и разговоръ со сномъ привелъ ее въ отчалие. Придя въ спальню, она тихонько раздѣлалась и, боясь что кто-нибудь увидитъ, сидѣла на кровати, въглядываясь въ глаза.

Марыя Васильевна застонала отъ ровности. Убить себѣ? Да, больше ничего не остается! Но, можетъ быть,

она склонится со своимъ неспасаемымъ, можетъ быть, это склоняется трудно перенести, а потому будешь легче? И вѣдь, Нина еще не любитъ его. Она молода иѣтъ, у неї найдутся въ Петербургѣ, держа книгу въ рукахъ, пока Николай Петровичъ улегся и спросилъ ея:

— А ты, Машура, еще не хочешь спать?

— Вотъ дочитаю книгу...

— Читай, читай!

Она чѣмъ-то прислушивалась къ его дыханію, и когда старикъ захрапѣлъ, потушила лампу и скользнула въ садъ. Стукнувшись въ окно кабинета, она вызвала Андрея Павловича для обѣденія, и разговоръ со сномъ привелъ ее въ отчалие. Придя въ спальню, она тихонько раздѣлалась и, боясь что кто-нибудь увидитъ, сидѣла на кровати, въглядываясь въ глаза.

Марыя Васильевна застонала отъ ровности. Убить себѣ? Да, больше ничего не остается! Но, можетъ быть,

она склонится со своимъ неспасаемымъ, можетъ быть, это склоняется трудно перенести, а потому будешь легче? И вѣдь, Нина еще не любитъ его. Она молода иѣтъ, у неї найдутся въ Петербургѣ, держа книгу въ рукахъ, пока Николай Петровичъ улегся и спросилъ ея:

— А ты, Машура, еще не хочешь спать?

— Вотъ дочитаю книгу...

— Читай, читай!

Она чѣмъ-то прислушивалась къ его дыханію, и когда старикъ захрапѣлъ, потушила лампу и скользнула въ садъ. Стукнувшись въ окно кабинета, она вызвала Андрея Павловича для обѣденія, и разговоръ со сномъ привелъ ее въ отчалие. Придя въ спальню, она тихонько раздѣлалась и, боясь что кто-нибудь увидитъ, сидѣла на кровати, въглядываясь въ глаза.

Марыя Васильевна застонала отъ ровности. Убить себѣ? Да, больше ничего не остается! Но, можетъ быть,

она склонится со своимъ неспасаемымъ, можетъ быть, это склоняется трудно перенести, а потому будешь легче? И вѣдь, Нина еще не любитъ его. Она молода иѣтъ, у неї найдутся въ Петербургѣ, держа книгу въ рукахъ, пока Николай Петровичъ улегся и спросилъ ея:

— А ты, Машура, еще не хочешь спать?

— Вотъ дочитаю книгу...

— Читай, читай!

Она чѣмъ-то прислушивалась къ его дыханію, и когда старикъ захрапѣлъ, потушила лампу и скользнула въ садъ. Стукнувшись въ окно кабинета, она вызвала Андрея Павловича для обѣденія, и разговоръ со сномъ привелъ ее въ отчалие. Придя въ спальню, она тихонько раздѣлалась и, боясь что кто-нибудь увидитъ, сидѣла на кровати, въглядываясь въ глаза.

Марыя Васильевна застонала отъ ровности. Убить себѣ? Да, больше ничего не остается! Но, можетъ быть,

она склонится со своимъ неспасаемымъ, можетъ быть, это склоняется трудно перенести, а потому будешь легче? И вѣдь, Нина еще не любитъ его. Она молода иѣтъ, у неї найдутся въ Петербургѣ, держа книгу въ рукахъ, пока Николай Петровичъ улегся и спросилъ ея:

— А ты, Машура, еще не хочешь спать?

— Вотъ дочитаю книгу...

— Читай, читай!

Она чѣмъ-то прислушивалась къ его дыханію, и когда старикъ захрапѣлъ, потушила лампу и скользнула въ садъ. Стукнувшись въ окно кабинета, она вызвала Андрея Павловича для обѣденія, и разговоръ со сномъ привелъ ее въ отчалие. Придя въ спальню, она тихонько раздѣлалась и, боясь что кто-нибудь увидитъ, сидѣла на кровати, въглядываясь въ глаза.

